

Т. В. Топорова
(Институт языкознания РАН)

О КОСМОГОНИЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА «СТАРШЕЙ ЭДДЫ»

Автор статьи предпринимает попытку обнаружить признаки системной организации в песнях «Старшей Эдды» *мифологического* цикла, которые на первый взгляд кажутся случайным собранием мало связанных между собою эпизодов из жизни богов. Лингвостилистический анализ, никогда не применявшийся по отношению к «Старшей Эдде» как *корпусу* текстов, даёт уникальный шанс выявить наиболее релевантные особенности эддического текста как в плане содержания, так и в плане выражения. Гипотеза о неразрывной связи языка эддической поэзии с порождающими его речевыми актами и об укоренённости определённых жанров, восходящих в своих истоках к *мифу*, в его языке позволяет, как нам кажется, обнаружить исконное ядро мифологических песен, обеспечивающее единство всего цикла, благодаря выделению мифологического субстрата, реализующегося в *космогонических* и *космологических* песнях. Задачи исследования заключаются, во-первых, в определении соответствующих жанровых структур в составе эддических песен мифологического цикла с типичными для них лингво-стилистическими признаками; во-вторых, в объяснении их функционирования в пределах той или иной песни; в-третьих, в анализе языковых методов, служащих для реализации этого феномена.

Ключевые слова: «Старшая Эдда», корпус текстов, жанр, космогоническая и космологическая песня, мифопоэтическая модель мира, миф творения, семантическая реконструкция.

T. V. Toporova
(Institute of Linguistics, RAS, Moscow)

On the Cosmogonic Substrate of the Mythological Cycle of the *Elder Edda*

The author of the article makes an attempt to find signs of systemic organization in the songs of the *Elder Edda*'s mythological cycle, which at first glance seem to be a random collection of hardly interconnected episodes from the life of the gods. The linguo-stylistic analysis, which has never been applied to the *Elder Edda* as a text corpus, provides a unique chance to identify the most relevant features of the Eddic text, at both the content and expression level. The hypothesis about the inextricable connection of the language of Eddic poetry with the speech acts that

generate it and about the rootedness of certain genres that go back to myth in their origins, in its language allows, it seems to us, to discover the primordial core of mythological songs, ensuring the unity of the entire cycle, due to the detection of a mythological substrate, realized in cosmogonic and cosmological songs. The objectives of the research include, firstly, determining, in the *Elder Edda*'s mythological cycle, the respective genre structures and their typical linguistic and stylistic features; secondly, explaining their functioning within a particular song; thirdly, analyzing the means of implementing this phenomenon.

Key words: *Elder Edda*, text corpus, genre, cosmogonic and cosmological song, mythopoetic model of the world, myth of creation, semantic reconstruction.

Древнеисландский стихотворный эпос «Старшая Эдда», дошедший до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. (Codex Regius, вторая половина XIII в.; AM 748, начало XIV в.; Hauksbók, начало XIV в.) и включающий песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционировавшие в устной традиции, постоянно является объектом интенсивного исследования. Комментирование и интерпретации этого выдающегося памятника письменности продолжаются, и каждый год появляется множество научных трудов, что свидетельствует о значимости самого материала и о его сложности¹. Учитывая древность самих текстов, неоднозначность трактовок и различие в научных подходах к анализу произведений, многие вопросы, которыми задаются специалисты в области скандинавистики, так и не получают разрешения, именно поэтому возникает объективная необходимость попытаться обнаружить признаки системной организации в эддических песнях, прежде всего *мифологических*, хотя на первый взгляд они кажутся случайным собранием мало связанных между собою эпизодов из жизни богов. Нам представляется, что именно лингво-стилистический анализ, никогда не применявшийся по отношению к «Старшей Эдде» как *корпусу* текстов, даёт уникальный шанс выявить наиболее релевантные особенности эддического текста как в плане содержания, так и в плане выражения. Гипотеза о неразрывной связи языка эддической поэзии с порождающими его речевыми актами и об укоренённости определённых жан-

¹ Ср., в частности, современные работы, демонстрирующие мифологический подход к эддическому материалу: Kure 2006; Nordvig 2013; Andrén 2014; Hermann, Mitchell 2017.

ров, восходящих в своих истоках к *мифу*, в его языке позволяет, как нам кажется, обнаружить истинное ядро мифологических песен, обеспечивающее единство всего цикла, благодаря выделению мифологического субстрата, реализующегося в космогонических и космологических песнях.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу мифологических песен «Старшей Эдды», следует уделить внимание некоторым наиболее релевантным терминам, используемым нами.

Жанр — «(фр. *genre* — род, вид) — тип словесно-художественного произведения, а именно: 1) реально существующая в истории национальной литературы или ряда литератур и обозначенная тем или иным традиционным термином разновидность произведений (эпопея, роман, повесть, новелла в эпике; комедия, трагедия и др. в области драмы; ода, элегия, баллада и пр. — в лирике); 2) 'идеальный' тип или логически сконструированная модель конкретного литературного произведения, которые могут быть рассмотрены в качестве его инварианта (это значение термина присутствует в любом определении того или иного Ж. литературы). Поэтому характеристика структуры Ж. в данный исторический момент, т. е. в аспекте синхронии, должна сочетаться с освещением его в диахронической перспективе» (Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001, Стб. 264). Жанр предполагает наличие устойчивой, постоянно воспроизводимой системы признаков литературного произведения.

Мы имеем дело с *эпосом*, объединяющем *мифологические песни*. Специфика такого объекта изучения настоятельно требует, во-первых, учёта *мифологического фактора* и соответствующей *мифопоэтической модели мира*, отражающей архаичные языческие представления, и, во-вторых, введения понятия **микрожанра** — более мелкого структурно-семантического единства, зафиксированного в эддической песне. Следует отметить, что элемент *микро-* эксплицирует представления о минимальности не в абсолютном, а в относительном значении, то есть исключительно в сравнении с целым — эддической песней, являющейся точкой отсчёта.

Перечислим образцы *микрожанров*, фигурирующие в настоящем исследовании.

а) **Космогоническая песня** предназначена для описания *мифа творения* — *космогенеза*, она ориентирована на *прецедент*, «служащий образцом для воспроизведения уже в силу

того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаического сознания мифопоэтической эпохи всё, что есть, — результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям «оплотняющегося» космологического бытия» (Торогов 1998: 60). Ядро песни составляет демиургический акт — «созидание элементов мироздания, космических и культурных объектов, людей» (Мифы народов мира 1980: 366).

б) **Космологическая песня**, описывает состояние мироздания, возникшего в результате космогенеза, причём «актуальное состояние вселенной в мифопоэтическом мышлении связывается воедино с её происхождением как следствие с причиной: <...> то, что порождено в ходе создания и устройства космоса, и является его составом; всё, что входит в состав космоса, возникло в ходе его развития» (Мифы народов мира 1982: 6).

Даже при беглом взгляде на эддический материал бросается в глаза очевидное доминирование **космогонической** песни, проявляющееся в наличии разветвлённой системы маркеров, служащих для обозначения:

- времени первотворения (*illo tempore: прежде, в начале*),
- субстанции, послужившей материалом для создания вселенной (*prima materia*),
- субъектов творения (демиургов с выделением различных групп, ср.: *асы, альвы, ваны, боги, великаны*), совершающих определённые *демиургические* акты (*делать, создавать, растить, рождать, считать, называть* и др.);
- объектов творения, как одушевлённых (*род человеческий*), так и неодушевлённых (ср. три космические зоны: *небо, земля, нижний мир*), наделённых *атрибутами*, описывающими их происхождение (*древний*), физические признаки (*высокий, сильный*) и статус на аксиологической шкале архаического общества (*священный, знаменитый*);
- стадий существования вселенной, то есть *динамического* аспекта бытия (ср.: хаос (*не быть*), космос и «гибель богов», а также возрождение после эсхатологического кризиса (ср. мотив поднятия земли из моря, расцвета растений, появление нового поколения богов).

Поскольку маркеры космогонической песни, засвидетельствованные в мифологическом цикле «Старшей Эдды», отличаются многообразием и высокой частотностью, нельзя не отме-

тить их специфику, реализующуюся в некоторых неординарных явлениях, к описанию которых мы и переходим.

1) Эддический материал представляет несколько символов, отражающих мифопоэтическую модель мира, соотносимых с различными этапами бытования мироздания

— *первооснову* (лоно, колыбель — др.-исл. *lúðr*), возникающую из вод хаоса,

— *мировое древо* ясень Иггдрасиль, определяющее размеры вселенной как по вертикали, так и по горизонтали (размером своей кроны), а также и во временном измерении (начиная с семени, произраставшем под землёй),

— волшебную *мельницу*, производящую все блага в начале «Песни о Гротти» (богатство, счастье, мир) и беды (войну, пожар, гибель главного героя) в конце.

Следует отметить, что первые два концепта обладают *универсальным* характером, то есть в равной мере актуальны для макро- и микрокосма, а третий (*мельница*) фигурирует в *антропоцентрической* сфере. Такое же распределение наблюдается и по параметру *статичность* (первые два концепта) — *динамичность* (третий концепт).

2) Между этими символами модели мира обнаруживается связь, выраженная эсплицитно или имплицитно и обусловленная их изоморфизмом. К первой категории относится использование **одной и той же** лексемы (др.-исл. *lúðr*), служащей для номинации первоосновы, на которую был положен великан Бергельмир «за много лет до создания земли» (Vm. 35) и деревянной основы мельницы Гротти (Grt. 5), а ко второй — аналогия между др.-исл. *lúðr* и мировым деревом, заслуживающая специального рассмотрения.

Обратимся к семантике и этимологии др.-исл. *lúðr*: ‘выдолбленное дерево; корыто, колыбель; сосуд, основа мельницы; лодка; боевой рог’ < и.-е. **leu* ‘резать’ (алб. *lug, lugu* ‘корыто’, *flugë* ‘доска’, д.-в.-н. *ludara* ‘колыбель’, др.-исл. *lé* ‘серп’, *lióstr* ‘вилка’, и др. (IEW 681–682), при этом реконструируется следующее семантическое развитие: ‘выдолбленное дерево’ > ‘корыто’ > ‘опора для жернова’ > ‘тростник, труба, рог’ (Vries 1977: 367).

В семантике др.-исл. *lúðr* выделяются два компонента: ‘горизонтальность’ & ‘изгиб’; их сочетание не кажется парадоксальным, если принять во внимание, что в качестве денотата *lúðr* выступает *ствол* дерева, *выдолбленный* изнутри, то есть бревно, подвергнувшееся обработке. Идею *кривизны* можно

конкретизировать: речь идет о *вращательных* движениях, сопровождающих удаление древесины, в результате которых возникает пустое пространство в стволе. Однако этот мотив может интерпретироваться не только с точки зрения технологии обработки дерева, но и в семиотическом плане: очевидна аналогия между др.-исл. *líðr* и *мировым деревом* ясенем Иггдрасилем — в горизонтальной проекции —, для которого актуальна идея *кривизны*, ассоциирующейся с его дрожанием (*колыхательными* движениями) во время «гибели богов»² или с *покачиванием* на нем Одина, повесившегося на *axis mundi* в акте самопожертвования ради познания высшей мудрости³.

Таким образом, на концептуальном уровне устанавливается преемственность между понятием *лона, колыбели, деревянной основы*, *prima materia* (др.-исл. *líðr*) и *мировым деревом*, идеальной моделью мироздания. Древнеисландские данные позволяют сделать и более радикальное предположение об *общем* источнике этих модификаций инвариантного значения '*первооснова*', реализующего сему '*изгиб*' и описывающего *круг* (с выделением его оси) как символ локально-темпорального континуума; при этом эксплицируются его в равной степени значимые и идентичные по объёму характеристики — *горизонтальность* и *вертикальность*⁴.

3) Точкой отсчёта в эддической космогонии является *земля*, поскольку она занимает центральную позицию в серии антиномий, принимая участие в оппозициях (*верхнему*) *небу*, *морю* и *нижнему миру*.

4) Специфика космогонической модели мира, зафиксированной в мифологическом цикле «Старшей Эдды» заключается, во-первых, в маркировании *нижней* зоны универсума (ср.: *под землёй, нижний мир, могила, погребальный костёр*), для

² Ср. Vsp. 47: *Scelfr Yggdrasils ascr* «Дрожит яшень Иггдрасиль». Древнеисландский текст «Старшей Эдды» цит. по (Edda 1968), а перевод по (Старшая Эдда 1963).

³ Ср. обозначение Иггдрасиля как '*ветренного дерева*' (др.-исл. *vindgameiðr*).

⁴ Поразительно точную параллель с древнеисландскими примерами обнаруживает древнепрусское название стремени — *lingo*, лит. *lینگé* 'гибкая жердь для подвешивания к ней колыбели', 'колыбель', 'изгиб', семантическая мотивировка которого отражает два мотива — '*раскачивание*' и '*изгиб*' (< '*отклонение от нормы, стандарта*') при этом *lingo* имеет также и космологические ассоциации (Топоров 1990: 279–281).

обозначения которой используются бинарные оппозиции (*этот мир — иной мир, живой — мёртвый*), и, во-вторых, в акцентировании идеи «предела» и детальной разработке *эсхатологических* мотивов.

Эти феномены отнюдь не случайны, они на глубинном уровне восходят к асимметричности статуса концептов *начало* и *конец* в древнегерманской мифопоэтической модели мира. Начало, закрепляющее положительные достижения в космологии вселенной, относится к прошедшему; конец же со свойственной ему неожиданностью и непредсказуемостью ассоциируется с будущим и представляет собой угрозу мирозданию и сопряжён с особой экспрессивностью и внутренней напряжённостью. Педализирование темы нижнего мира имеет мифопоэтические истоки: первоначальная бездна (др.-исл. *Ginnunga gap* ‘зияний зияние’), как свидетельствует семантика этого словосочетания, локализовалась внизу и воплощала стихию хаоса. Связь *зияния* с *нижним миром* верифицируют памятники первобытного искусства, ср. изображение дракона с зияющей пастью, олицетворяющего смерть и подземное царство — остатки хаоса —, вытесненные на периферию, в нижней части готландского камня из Санда (V в.) (Ellis Davidson 1967: 94).

5) Между субъектом эддической песни и объектом описания (космогонией) и устанавливается взаимодействие, проявляющееся в использовании одних и тех же предикатов и свидетельствующее о нейтрализации оппозиций *активный — пассивный, одушевлённый — неодушевлённый*. Ср.: субъект *называет*⁵ — объект *называется*⁶; субъект *считает*⁷ — объект *считается*⁸; субъект *знает*⁹ — объект *знает*¹⁰.

⁵ *Pá gengo regin öll á röcstóla, // ... morgin héto* oc miðian dag (Vsp. 6) «Тогда сели боги на троны могущества // ... утро *назвали* и середину дня»*.

⁶ Ask veit ek standa, **heitir** Yggdrasill (Vsp. 19) «Ясень я знаю стоит, *называется* Иггдрасиль»*.

⁷ Nár oc Nýráðr – nú hefi ec dverga // — Reginn oc Ráðsviðr – rétt um **talða** (Vsp. 12) «Нар и Нюрад — вот я карликов — Регин и Радсвинн — всех *сосчитала*»*.

⁸ Nú ero **talðar** nönnor Herians, // gorvar at ríða grund, valkyrior (Vsp. 30) «вот *сосчитаны* девы Одина, // любо скакать им повсюду, валькириям».

⁹ Ask **veit** ek standa, heitir Yggdrasill (Vsp. 19) «Ясень я *знаю* стоит, *называется* Иггдрасиль»*.

Нейтрализация оппозиции *одушевлённый* — *неодушевлённый*, совмещение *активного* и *пассивного* аспектов объясняется особым сакральным статусом, который может быть присущ как творцу, так и творению в космогоническом мифе.

б) *Атрибуты*, типичные для эддической космогонической песни, отражают физические свойства объектов (*высокий, сильный, здоровый*), они воплощают положительную оценку (*великий, знаменитый, известный*), реализующуюся в том числе и при помощи превосходной степени прилагательного (*лучший*), и имеют непосредственное отношение к сфере сакрального (*священный*), визуализирующегося благодаря блеску, свету (*сияющий*) и имеющего своим источником связь с прецедентом первотворения (*древний*). Наличие атрибутов исключительно положительной оценки находится в русле типичной для эпоса тенденции к идеализации, которая достигает своего апогея в мифологических песнях «Старшей Эдды».

7) *Предикаты*, репрезентированные во фрагментах космогонической песни, обнаруженных в мифологических песнях «Старшей Эдды», распадаются на две группы: обозначения действий демиургов (*рождать, делать, создавать, называть, считать, расти*) и объектов творения, возникших в результате демиургических актов (*быть, стоять, лежать, происходить, рождаться, становиться, называться, считаться*). Изоморфизм субъектов (демиургов) и объектов (элементов вселенной) в мифе творения, о котором речь шла выше, реализуется именно при помощи глаголов: *рождать* > *рождаться*, *растить* > *расти*, *называть* > *называться*, *считать* > *считаться* (*быть сосчитанным*). Эддический материал убедительно свидетельствует об эквивалентности слова и дела: номинация или *ономатетический* акт уподобляется *демиургическому* деянию, и именно получение *имени* наделяет объект статусом существования. Заслуживает специального упоминания и ещё одна особенность космогонических предикатов: концепцию динамики, точнее *трансформации, изменения*, в результате которого мир оказывается на новой стадии (др.-исл. *verða*) символизирует *рост* (др.-исл. *ala* ‘расти’), трактуемый в генеалогическом коде — *рождать* (др.-исл. *bera*); при

¹⁰ *Sól þat né vissi, hvar hon sali átti, // stiörnor þat né visso, hvar þær staði áttó, // máni þat né vissi, hvar hann megins átti* (Vsp. 5) «солнце не знало, где его дом, // звёзды не знали, где им сиять, // месяц не знал мощи своей».

этом в качестве метафоры развития вселенной используется терминология *родства* (*дед – отец – сын, старший – младший*).

8) Одна из наиболее релевантных тенденций космогонической песни состоит в её *антропоцентрической* перспективе, так как космогонические деяния совершаются не сами по себе, а ради **людей**. Ср. наиболее показательные примеры: Scinfaxi heitir, er inn sefra dregr // dag um **dróttmögo** (Vm. 12) «Скинфакси называется, кто сияющий приносит // день *людям*»*; hvaðan máni um kom, svá at ferr **menn** yfir (Vm. 22) «откуда месяц произошёл, который движется над *людьми*»*; himin hverfa þau scolo hverian dag, // öldom at ártali (Vm. 23) «небо обходят они каждый день // *людям* для счёта лет»*

9) Лингвистический анализ мифологических песен «Старшей Эдды» позволяет реконструировать мифологемы, реализуемые как на *эддическом* уровне, ср.: **павший** (др.-исл. *valr*) & **святилище** (жилище бога) (др.-исл. *vé*; Vsp. 62 конъектура; Hdl. 1); **бог** (др.-исл. *god, áss* ‘ас’) & **судить** (др.-исл. *dæta*; Vsp. 60; Hdl. 8); **род / родственников** (др.-исл. *niðr*) & **считать** (др.-исл. *rekiá, telia*; Vsp. 16; Hdl. 11); так и вполне вероятно имеющие *индоевропейские* истоки, ср., например, общегерманское словосочетание **fursti- & *vit-* «первейшее (самое раннее) знать», объединяющее превосходную степень порядкового числительного и глагола *знать*, репрезентированное в «Речах Вафтруднира».

10) На основании анализа эддических данных можно постулировать функционирование двух вариантов космогонической песни — в **синхронии**, фиксирующей устройство вселенной в конкретный момент повествования («Прорицание вэльвы»), и в **диахронии** в рамках концепции порождения, оперирующей в качестве метафоры мироздания генеалогический код — терминологию *родства* (*дед – отец – сын, старший – младший*) («Песнь о Хюндле»). Второй вариант может рассматриваться как *антропоцентрическая* модификация космогонического мифа.

11) Исследование эддических песен мифологического цикла приводит к выводу о возможности градации космогонической песни не только с точки зрения статики — динамики, но и в пределах категории **субъективности — объективности**. В частности, в «Прорицании вэльвы» внимание фокусируется на субъекте песни — вэльве —, особое состояние которой (*экстаз и прозрение*) и служит ключом к восприятию её содержания, в то время как в «Речах Вафтруднира» миф творения

излагается достаточно объективно, дистанцированно от субъекта повествования (великана Вафтруднира), так же как и «Речах Гримнира» упор делается на имени как носителе уникальной информации об объекте, воплощающем идею номинализма в чистом виде.

12) Как убедительно демонстрируют эддические данные, фундаментальное свойство *космогонической песни* заключается в **номинализме**, суть которого состоит в утверждении бытия только названных объектов и принципиальной недопустимости существования предметов, не имеющих наименований, и именно этот параметр объединяет её с **тулой**, цель которой составляет наименование. Этот жанр представлен в четырёх эддических песнях: Vsp., Grm., Rp. и Fj., в которых номинация распространена как на субъектов-демиургов (ср. имена *Одина*), так и на объекты творения — элементы космизированной вселенной (*реки*), зооморфные (*кони, олени, змеи*), антропоморфные мифологические персонажи (*карлики, валькирии*), а также имена основателей социальной иерархии и их потомства в «Песне о Риге» (ср. имена детей *Раба, Земледельца и Знатного человека*).

Некоторые контексты, в которых объекты вселенной выступают в виде списка, изофункциональны тулам¹¹. Эддические данные свидетельствуют о том, что в «Речах Гримнира» представлена **идеальная** модель мира, воплощённая *наилучшим именем*.

Особый интерес представляет собой принадлежащая Ульсену интерпретация перечня имён в «Речах Гримнира» как *заклинания* наряду с истолкованием мифологических сведений, сообщаемых Одином, как галлюцинаций, вызванных пыткой — сидением между двух костров в течение восьми дней (Olsen 1933).

Таким образом, лингво-стилистический анализ оказывается весьма эффективным методом исследования, позволяющим ввести в научный оборот уникальную информацию о мифологических песнях «Старшей Эдды» и представить их как

¹¹ Ср.: Ascr Yggdrasil, hann er **æztr** viða, // enn Scíðblaðni scipa, // Óðinn ása, enn íóa Sleipnir, // Bilröst brúa, enn Bragi scálda, // Hábróc hausa, enn hunda Garmr (Grm. 44) «Дерево *лучшее* – ясьень Иггдрасиль, // лучший струг – Скидбладнир, // лучший ас — Один, лучший конь – Слейпнир, // лучший мост — Бильрёст, скальд лучший – Браги, // и ястреб — Хаброк, а Гарм – лучший пёс».

систему, построенную в соответствии со свойственными ей правилами.

Литература

- Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* 2001 [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий* 2001. М.
- Mify narodov mira. Enciklopediya* 1980–1982. 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow.
- МНМ — *Мифы народов мира. Энциклопедия*. М., 1980–82. 2 т.
- Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah* 1963 [The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes]. Moscow; Leningrad. *Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях* 1963. М.; Л., 1963.
- Топоров В. Н. 1990: *Prusskij yazyk. Slovar'*. L. M. [Prussian language. Dictionary. L. M.]. Moscow.
- Топоров В. Н. 1990: *Прусский язык. Словарь*. L. M. М.
- Топоров В. Н. 1998: *Predistoriya literatury u slavyan. Opyt rekonstrukcii (Vvedenie k kursu istorii slavyanskikh literatur)* [Prehistory of literature among the Slavs. An essay of reconstruction (Introduction to the course of the history of Slavic literature)]. Moscow. Топоров В. Н. 1998: *Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур)*. М.
- Andrén, A. 2014: Tracing Old Norse Cosmology: The World Tree, Middle Earth & The Sun. In: *Archaeological Perspectives*. Lund.
- Edda. *Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* 1968: Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1: Text. Vierte umgearb. Aufl. Von Hans Kuhn. Heidelberg.
- Ellis Davidson H. R. 1967: *Pagan Scandinavia*. London.
- IEW — Pokorny J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, München. Bd. I–II.
- Kure H. 2006: Hanging on the World Tree. Man and Cosmos in Old Norse mythic poetry. In: Andrén J. & Raudvere (eds.) *Old Norse religion in long-term perspective*. Lund, 68–71.
- Nordvig M. 2013: A Method for Analyzing World-Models in Scandinavian Mythology. In: *Approaching Methodologies*. Frog & Pauliina Latvala with Helen F. Leslie. Second Revised Edition with an Introduction by Ulrika Wolf-Knuts. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae Humaniora* 368. Helsinki, 377–398.
- Old Norse Mythology — Comparative Perspectives 2017: Hermann, P., St. A. Mitchell, J. P. Schjødt, and A. J. Rose, eds. *Publications of the Milman Parry Collection of Oral Literature*, 3. Cambridge.
- Vries J. de. 1977: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden.

Сокращения

Fj. — *Fjolsvinnsmál* «Речи Многомудрого»

Grm. — *Grímnismál* «Речи Гримнира»

Grt. — *Grottasǫngr* «Песнь о Гротти»

Hdl. — *Hyndlolióð* «Песнь о Хюндле»

Rp. — *Rígsþula* «Песнь о Риге»

Vm. — *Vafþrúðnismál* «Речи Вафтруднира»

Vsp. — *Völuspá* «Прорицание вёльвы»